

О САКРАЛЬНОМ

А. А. Штуден

*Все существующее должно превосходить себя,
чтобы быть собой в следующий момент времени*

Мераб Мамардашвили

В статье делается попытка анализа феномена, с трудом поддающегося определению и объяснению, однако бытующему в человеческом социуме с давних времен. Анализ включает не только онтологию сакрального, но и трансформацию его в исторической ретроспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: БОДРСТВЕННОЕ ВНИМАНИЕ, САКРАЛЬНОЕ ВРЕМЯ, САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО, САМОПРЕВОСХОЖДЕНИЕ, ИНВЕРСИЯ САКРАЛЬНОГО, ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ, ПОСТМОДЕРН.

The article is an attempt to analyse the phenomenon which is extremely difficult to define and to explain yet existing in human society from ancient times. The analysis includes ontology of the holy as well as its transformation in historical retrospective.

KEY WORDS: SACRED TIME, SACRED SPACE, SELF-OVERSURPASSING, UNREMITTING ATTENTION, DESACRALIZATION

Со времен античного Рима понятие сакрального далеко шагнуло за рамки стандартных культовых действий. Сакральное стало обозначать некую заповедную область – времени, пространства, душевной жизни. Особый эмоциональный настрой. Особое отношение к реальности. Особый способ работы сознания.

Сакральная «прибавка» к быту в такой удивительной мере присуща человеку (и только ему), что худший градус падения издревле мы определяем фразой: «в нем нет ничего святого!». Именно так. Ты можешь быть жесток, лукав, безобразен, отвержен всеми, но если живет в тебе заповедное пространство души, освещаемое хотя бы скудным огоньком копеечной свечи – ты все равно человек, для тебя тогда существует надежда.

Нелегко дать исчерпывающее определение сакральному. Но у него есть вполне устойчивые признаки. По ним эту область нашего бытия сразу можно отличить от всего обыденного и привычного.

Во-первых, сакральное **бесполезно**, с точки зрения пользы для физической жизни. Ни денег, ни славы, ни власти, ни удовольствий.

Во-вторых, оно **эфемерно**. Чисто физически его как бы вовсе не существует. По каким признакам вы можете отличить камень, взятый с капища, от обычного булыжника? Человек сам, по собственной воле, наделяет предмет, участок пространства или фрагмент текста сакральным смыслом и нарекает ему имя. Статуя. Знамя. Икона. Алтарь. Молитва. Все это состоит из тех же молекул, ато-

мов, звуковых вибраций, что и любая будничная вещь. Лишь наше воображение делает это все высоким и священным. Сакральное формируется не природой, но человеческой волей и человеческим воображением. Но еще (главное!) неким таинственным содержанием нашего духа, недоступным разуму¹.

В-третьих, оно никому ничего не говорит о «единственно возможной Истине» или «единственно правильной вере». Священное, в масштабах целого человечества, не может быть универсальным. С точки зрения мусульманина, христианская икона не только бессмысленна, она кощунственна. Так же, как, например, лингам для верующего христианина. Или – политое жертвенной кровью языческое капище для буддиста...

Поневоле мы приходим к выводу, что бесполезны в зоне сакрального поиски специального, точного и однозначного «объекта»! Он ускользает от глаз. Тогда зачем «оно» нужно всем и каждому, почему сакральное мы считаем не переменным признаком человеческого в человеке? Всегда ли так было?

Если представить себе жизнь первых людей в Эдеме, едва ли для них, видевших Бога воочию, существовала необходимость в специальном месте и специальном времени для высокого и священного. По крайней мере, в первых двух главах ветхозаветного Бытия мы не находим никаких указаний на особые священные места, жертвенники или тексты молитв. Освящение седьмого дня творения является исключением, как бы предвещающим роль и место сакрального во всей дальнейшей истории человечества. В любом случае, весь Эдем, до самых границ своих, был сплошным сакральным

пространством, так же точно, как и каждое мгновение жизни в нем. Эта ситуация, несомненно, предполагала и особое состояние сознания, господствовавшее среди первых людей: ежеминутное восхищение существованием!

Грехопадение, то есть попытка человека узнать причину своего восторга, заглянуть за покров бытия, увидеть его изнанку, проникнуть к Началу начал с черного хода, привело к катастрофе. В любом случае за это надо было заплатить утратой сакрального смысла бытия, ибо сакральное всегда предполагает тайну. Метафорой этого грустного факта послужило изгнание первых людей из рая.

С изгнанием пришла антисакральная изнанка жизни: тяжелый труд ради хлеба насущного, тирания страстей и желаний, власть привычки, страх смерти – словом все то, что мы называем обыденностью. Прямой контакт с Богом был утерян. Для поколений, следующих за Каином – во всем видимом и ощущаемом – Его как бы не существовало вовсе. Лишь избранные, вроде Ноя и Авраама, могли в отдельные минуты жизни слышать Его голос. Что же оставалось остальным, не-избранным, «многочисленным, словно песок морской»? Для них все-таки должна была остаться *нить, связывающая человека с Началом начал*, незримые скрепы, соединяющие с архетипом Блага, позволяющие человеку исподволь питать свою бессмертную душу. Для этого необходимо было выделить из будней хотя бы ограниченное пространство и хотя бы небольшое время, когда человек мог оживить в себе бодрственное внимание и способность – пусть лишь одним воображением – принимать свет горнего мира... Этим пространством были: капище, заповедная роща, храм, ал-

¹ Рудольф Отто говорит о нем как о самостоятельном скрытом источнике представлений и чувств, пребывающем в душе независимо от чувственного опыта [7, с. 179].

тарь, усыпальница, отшельнический скит. Действием – священный обряд. Временем – все то, что отводилось ритуалу, молитве, медитации.

Замечательно, что никакого принуждающего мотива здесь не было! Было изначально решено, что человек не должен жить без того, чтобы некоторую часть своих сил и своего времени он бы не отдавал бесполезному (с утилитарной точки зрения) и бессмысленному (с рациональной) занятию. Причем это занятие никогда не было легким. Не только хлеб для тела, но и хлеб для души человек должен был добывать в поте лица своего! Разница лишь в том, что без второго «хлеба» он мог вполне обойтись – в том случае, если жизнь его души была ему безразлична.

Так, время человека оказалось разорванным на две части: сакральное, где он пытался вспомнить о своем божественном происхождении, восстановить нарушенную некогда связь с Источником жизни, и будничное, сотканное из суеты и хлопот о хлебе насущном. О необходимости второго говорили голод и жажда, о необходимости первого – особый духовный инстинкт, данный только человеку.

Со временем стало окончательно ясно, что роль и место человека в земной жизни определяются, в сущности, размерами сакрального времени на его земных часах.

Здесь следует определиться: только ли религиозное рвение, религиозное служение и культовый экстаз отмечают границы сакрального? Разумеется, нет. В духовной практике существуют сакральные сюжеты и мотивы, не имеющие прямого отношения к религиозному культу. Так обстоит дело, например, с мыслями и действиями, продиктованными любовью к живой природе, детям, высокому искусству. *Напряжение вверх* есть состояние, поводом для которого может послужить и цветущая вишня, и лыжная прогулка, и

чайная церемония... Поэтому не удивительно, что сакральное имеет такое множество измерений – от фаворского света до лампочки на новогодней елочной гирлянде! И не обязательно только верующему доступно ощущение сакрального. Даже атеист способен улавливать смыслы, восходящие к Божественному (о чем, конечно, он не догадывается). Боевое знамя, фотография матери, первая улыбка ребенка и для него могут иметь сакральный смысл. По-своему сакральны и труд мастера, и размышления философа. Разные типы сакральности в разной степени связаны с Началом начал. Религиозный принадлежит к сильнейшим из них, – отсюда и место религии в жизни человека, неисследимое с начала времен.

Сакральное есть мост, соединяющий невидимый берег бездны – с другим, видимым, обителью нашего изгнания.

Характерно, что великие духовные учителя неизменно уделяли сакральному действию особое внимание. Будда учил медитации. Христос сообщил канонический текст молитвы («Отче наш»). Мухаммад установил порядок всех сакральных действий, в том числе время и характер поста. Если мы внимательно посмотрим на Декалог Моисея, то обнаружим, что две из десяти заповедей посвящены как раз идее сакрального! «Соблюдай субботу» – это не что иное, как указание сделать сакральной, по крайней мере, седьмую часть времени, отпущенного человеку для его жизни. А что такое «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно»? Указание на святость Имени, Которое следует произносить во внимании и бодрствовании, то есть в режиме *сакрального* состояния сознания!

Духовные учителя и в других случаях заботились о сакральном времени, делали все для того, чтобы в обрядовых тра-

дициях закрепить его и по возможности расширить. Так же умножалось и количество сакральных текстов, сакральных имен, сакральных вещей (амулеты, кольца, снадобья, браслеты, изображения божеств и духов...). Живая вода сакрального просачивалась в будни каждого дня, сакральные предметы становились частью домашней утвари и одежды, сакральными словами наполнялась речь, теряя в этом случае смысл однозначной «передачи информации». Каждый человек, томимый духовной жаждой, насколько возможно, пытался расширить сакральное пространство своего бытия... В пределе это приводило к монашеской келье, скиту анахорета, пещере гималайского отшельника. Но этих людей никогда не было много: единицы! Для остальной массы «машиной», производящей сакральное время и сакральное пространство, была всегда религия.

Любая религия, в сущности, есть не что иное как системно оформленный комплекс сакрального. История религий показывает, что, вместе с их эволюцией, совершенствовалось *качество сакральности*, ими представленное. Капище и священная роща древних – тут, скорее, преобладает благоговейный страх. Вряд ли со стороны рядовых членов племени мы можем здесь ожидать особых откровений или духовного творчества: это была прерогатива шаманов и волхвов. Городское язычество привлекло в помощь искусство и – на поздних этапах – мистериальные таинства... Здесь уже было нечто, восхищающее дух! Идея *смерти-и-возрождения*, воплощенная в мифах об Озирисе, Инанне, Дионисе и многих других, в действиях, подобных элевсинским мистериям, становилась реальным духовным событием для каждого участника. Христианская литургия сделала это нисхождение сакрального в глубину человеческой души еще более

мощным и всеохватным. Наконец, если мы дерзнем экстраполировать этот процесс на далекое будущее и помыслим о нисхождении Духа Святого на всех людей (не только на персонажей Пятидесятницы) – не будет ли это означать тотальную охваченность сознанием нового качества бытия, главный смысл которого – возвращение к бессмертию?

Но реальность сегодняшнего дня, увы, совершенно иная. Мы не найдем на карте мира такой страны и такого народа, где человек, из массы ничем не выделяющийся, освящал бы сакральным усилием каждый шаг своей жизни. «Среднему» жителю земли это сегодня явно не под силу, чему способствует самая, быть может, главная беда цивилизованного человека: стремление к благодушию и покою. От нервных будней перенаселенного города, от стрессов и частого вынужденного общения – иного избавления человек себе не мыслит. Отодвинуться, уйти, заснуть, впасть в анабиоз... Или попросту развлечься как угодно и чем угодно; отодвинуть себя от *труда души* можно и этим способом.

Между тем сакральный смысл всегда предполагает бодрственное усилие. Усилие к самопревосхождению. С ложно-спасительным комфортом цивилизованной жизни это не имеет ничего общего. Внутри сакрального человек «приподнят» над собой! Он мобилизован, но не к конкретной «пользе», а к Невидимому, инстинктивно зная о том, что в Невидимом – главный для него смысл бытия. Так же инстинктивно он знает, что каждое мгновение жизни рядом с ним – совсем рядом – присутствует его главный враг, враг всяческой жизни в устроенном волею Творца мире: хаос.

Порыв к сакральному – восстание против хаоса. Высшее проявление инстинкта жизни. Без чувства сакрального невозмож-

но ни посадить дерево, ни построить дом. Устраивая свой дом, человек возводит для себя и своей семьи некую *сакральную обитель*; без этого инстинктивного ощущения он был бы способен лишь на сооружение сарая. Вот почему мы не должны удивляться тому, что многим людям, по видимости, занятым мирскими заботами, удается, так или иначе, поддерживать в себе, в глубине глубин, особый тонус, – некую *пронизанность сакральным трепетом*, что особенно заметно в поведении так называемых «людей не от мира сего», анахоретов, художников, поэтов, влюбленных... Встречаются однако и люди, полностью лишённые сакрального начала в себе. Такой человек – пуст, сколь бы сложную «информацию» ни накопила его память. Общение с ним всегда бесцветно и безрадостно.

Если можно вообразить себе *запах сакрального*, то это, несомненно, запах чуда! Чудо всегда празднично. Сакральное принято наряжать, особенно в храмах... Тем не менее его нет ни в чем внешнем. Оно – внутри. Час молитвы – лишь знак, чтобы начать, всякий раз заново, восстание против крепости, которую повседневный быт давно и прочно соорудил в душе каждого из нас. Эта крепость зовется обыденностью; она ни пяди не уступит тому, кто постоянно не штурмует ее.

* * *

Есть три силы, враждебные сакральности: привычка, насмешка, приказ. Уставное благочестие не бывает *сакральным изнутри*: его смысл исчерпывается послушанием. Развивая эту мысль дальше, мы можем уверенно сказать, что **рабское действие не может быть сакральным**. Нужна свобода, чтобы произошло цветение изнутри. Никому не придет в голову потребовать духовной работы от раба. Он и сам от себя ее не потребует: ему до-

статочно простого факта продолжения его физической жизни.

Сакральный обряд, производимый без внимания, очень скоро превращается в привычку. И тогда он становится частью обыденности, то есть полностью выпадает из пространства сакрального.

Ну, а насмешка – несомненно оружие, наверняка и до основания уничтожающее смысл сакрального действия. Священники это хорошо понимали и понимают. Война священства против «глумотворцев» (и у нас, и на Западе) – не чей-то изуверский каприз, но явление абсолютно неизбежное, онтологически оправданное. Юмор Вельзевула – особый юмор. В нем радость разрушения. Циничный, ироничный, язвительный смех всегда связан с инверсией, извращением и подменой – то есть игрой ума, в ходе которой на голову кумира напяливается шутовской колпак и все ценности ставятся с ног на голову. В руках того, кто вознамерился сопроводить сакральную святыню к месту казни, ирония – вполне подходящий палаческий топор.

* * *

Признав стремление, коренящееся в глубинах духа, главным «виновником» сакральных переживаний, мы не должны допускать мысли, что сакральное – это область полного произвола воображения. Человек, конечно, может «назначить» сакральным любой предмет и любое место на обитаемой земле... Но вслед за этим происходит чудо богоявления: сакральное *отвечает* ему подлинной глубиной, дыханием и смыслом! Бог отзывается всюду, где человек делает сколько-нибудь серьезную попытку идти навстречу Ему. Такой Ответ, как правило, звучит в тональности призыва, но он всегда значительней и глубже, чем призыв, его не назовешь ни простым эхом, ни видимо-

стью желаемого... Множество красноречивых примет и знаковых событий, даже персональные визиты высоких существ (как, например, явление Богородицы православному святому Саровскому или богини Кали индийскому святому Рамакришне) – все это не раз случалось в сакральных «местах силы», об этом существуют многочисленные свидетельства.

Сакральная территория – это всегда пространство, испещренное знаками. *Служение оставляет след.* Сакральное усилие дает выход духовной энергии особого рода, напитывающей стены храмов, камни алтарей, иконы, картины, книги. Психическая энергия подвижника сама способна создавать «места силы», соединяющие человека с Высшим Невидимым. Камень, на котором 6 лет молился Серафим Саровский, был по кусочкам растащен верующими из-за целительной силы, которую в нем находили. Загадочную психическую мощь хранят по сей день пирамиды Египта. Философский камень алхимика способен к трансмутации химических элементов именно потому, что в нем годами концентрировалась энергия духа его создателя.

Итак, есть некое качество бытия, не данное от рождения человеку, но человеком открываемое, достигаемое и постигаемое... В общем и целом оно постигается как близость к Абсолюту. В силу этого сакральное ощущается человеком как некая *духовная высота*, нечто более радостное и вдохновляющее, нежели мир очевидности.

Повсюду в мире как встарь, так и сейчас шаг к сакральному – это шаг за пределы обыденного. Обыденное сознание лишь фиксирует, регистрирует, наблюдает. Измененное сознание – всегда движение изнутри, попытка постичь и проникнуть... Акт творчества. «Регистрировать» – не забота для творящего Духа. Ему надо искать, восходить и восхищаться. Подобно тому, как усилие к движению поддерживает мышцы

в рабочем тонусе, предохраняя их от атрофии, – усилие к сакральному предохраняет душу от распада. Понятно, в силу этого, огромная важность – для социума и для отдельного человека – сакрального времени и сакрального пространства.

Традиция сакрального нуждается в специальной заботе, которую во все времена брала на себя культура. Смысл сакрального – восстановление связи с Архетипом первоначальной целостности, реализация высшего инстинкта, данного человеку. Этот инструмент, сильно пострадавший во времена городского язычества, был заново «отточен» мировыми религиями. Опыт последних двух тысячелетий говорит о том, что культура, уделяющая максимум внимания сакральному – наиболее устойчива, и горе той цивилизации, где сакральность рушится на всех уровнях социума! Семья, традиции которой не святы для ее потомков, перестает существовать. Государство, не сумевшее сделать Родину сакральным понятием, не сможет себя защитить. За поруганием святынь следует моральный (часто и физический) крах общества, допустившего это.

Таким вот кровно необходимым, таким жизненно важным представляется в реальности это, на поверхностный взгляд, «бесполезное» дело!

* * *

Достижение сакрального предполагает, как минимум, три условия: мобилизация, внимание, преодоление. Сакральным не «наслаждаются», – его *нарабатывают*, к нему поднимаются, по пути полностью перестраивая способ восприятия. Сакральное – это именно то, что ни при каких условиях не происходит «само собой»... Зону сакрального надо интенсивно расширять – в этом и состоит духовный труд! Именно здесь человек не уходит за пределы жизни,

но **живет**, постоянно включая в работу высшие пласты бессознательного. Будни, очищенные от обыденности, дарят ему минуты новых открытий.

Иначе говоря, сохранение и тем более умножение сакрального требуют от человека активного внутреннего напряжения и неусыпных усилий даже внешнего плана (если иметь в виду ритуальную практику). Каким же образом человек, стремящийся скорее к экономии сил и релаксации, скорее к лени, чем к «лишнему» труду, оказывается способен регулярно поддерживать себя в состоянии активности, не приносящей материальной пользы? Две причины могут лежать в основе этого загадочного явления: духовный инстинкт (зов Архетипа первоначальной целостности, о котором мы уже говорили) и императив культуры. Духовный инстинкт неотменим, это дело Божье. А вот культурные установки вырабатываются *историческим человечеством*, они могут и поощрять этот инстинкт, и тормозить его, препятствовать ему.

Существует процесс, обратный росту сакрального. Сегодня здесь, на Западе, мы все довольно хорошо с ним знакомы. Процесс этот получил название *секуляризации*.

Хорошо известный, детально изученный феномен. Относительно исходной точки его появления исследователи практически единодушны: это были два совпавших по времени духовных переворота в истории: Ренессанс на юге и Реформация на севере Западной Европы. К сходному результату эти две революции шли с разных сторон. Ренессанс – через реставрацию позднего античного язычества (антропоцентризм, рационализм, культ нагого тела, эстетизация сакральных символов, возвращение античной мифологии в культурный обиход). Реформация – через развенчание священства и соборных постановлений,

упразднение таинств, «оправдание верой», принижение человека как изначально порочного существа, чье спасение целиком в руках Бога.

В чем же, в конце концов, сходятся эти два направления и почему, в историческом своем значении, они оказались так удивительно комплиментарны друг другу?

По нашему мнению, общей сутью этих двух движений была, в первую очередь, *атака на сакральность* – в том ее значении, как это было предусмотрено христианским учением (следовательно, и атака на христианство). В Италии церковная фреска становится предметом эстетического любования, икона превращается в светский портрет, где «моделью» Богородицы вполне могла послужить и дама полусвета, и горничная, и проститутка. Эстетизация сакрального, по сути, сводит его только к искусству конкретного мастера, тем самым порывая связь с Высшим Невидимым. Не случайно именно в период Возрождения художники начинают подписывать свои картины. Колоссальная личность «титана», земного творца, с его поражающим воображением мастерством, его роскошным видением мира, его неумными амбициями выходит на первый план – где уж сквозь это все пробиться голосу из дали Невидимого! Сакральные изображения становятся все более психологичными, все менее символическими; все более эффектными, все менее священными. Место им – не в храмах, а в музеях или частных коллекциях (в конце концов, такой и оказалась их судьба). То же самое, параллельно, происходило с церковной музыкой. Уже в самой церкви она стала склоняться в сторону самоцельной игры... Вырвавшись же в XVI в. на свободу, за пределы церковных стен, она фактически превратилась в средство светского развлечения.

Атака на сакральное была предпринята также и деятелями Реформации, еще

более яростная, но – с другого фланга. К чему привело так называемое «удешевление» церкви, предпринятое протестантами? Во-первых, к тому, что фигура священника потеряла сакральный статус: там, где у протестантов сохраняются храмы, священник выглядит *служащим*, а не служителем; он лишь *функционер* в деле богослужения, но не священное лицо, наделенное, в результате таинства, даром благодати. Кстати, и сами таинства – квинтэссенция сакрального в христианской религии – в основном упразднены, остаются лишь крещение и причастие, поскольку о них говорится в Евангелиях. Протестанты и думать не могли о том, что работа с сакральным есть *культура таинственного*; они применили рациональную логику к иррациональному смыслу. Результатом, как следовало ожидать, было то, что в таинстве они увидели бессмыслицу. Истина очевидности – «здоровый смысл» – пожрала Истину таинства.

Ликвидация монашества, поклонения иконам, крестного знамения, культа святых – все это также разрушение сакрального, рационалистический принцип замены символического – очевидным. Преобладающее значение, придаваемое проповеди в протестантском богослужении, означает, в первую очередь, что человек должен слушать не голос Бога, путем *вчувствования* в молчаливый свет и молчаливый лик сакрального – а выслушать разумно построенную проповедь, объясняющую вербально и досконально все pro и contra обсуждаемого предмета.

Далее, наступление протестантов на Церковь вовсе не исчерпывается прямой кавалерийской атакой на сакральные святыни. Сакральное не просто уничтожается, – оно *извращается*, а это, по своим последствиям, оказывается куда разрушительнее всех прочих кардинальных реформ. Речь идет о **труде**, в первую очередь.

Провозгласить труд священной обязанностью человека – это, на первый взгляд, великое благо и бесспорное достижение протестантизма. Заведомо это выглядит более высокой духовной позицией, нежели та, что объявляет все труды и заботы человека проклятием, ниспосланным потомкам Адама за первородный грех. В конце концов, не Сам ли Господь Бог заповедал человеку возделывать эдемский сад, еще до всякого грехопадения? И не Он ли трудился шесть дней, создавая Вселенную?

Все так. Но свет, небо и землю Бог создал для красоты и жизни, а возделывание эдемского сада было, со стороны Адама, прямым служением Ему. То, что ЭТА работа никоим образом не была связана и идеей предпринимательства, – факт, по видимому, вполне тривиальный и доказательств не требует. Адам не трудился ради счета в банке.

Какой же труд почитаем и освящаем протестантской идеологией? Именно – труд ради накопления. Труд во имя прибыли. Чем больше этой прибыли, тем очевидней, что Бог благосклонно принимает усердие человека, а тугая мошна предпринимателя становится прямым свидетельством Божьей благодати!

Здесь-то и происходит подмена... Но заметной она становится далеко не сразу. Понадобились века промышленного развития и совершенствования коммерческой машины, чтобы стало ясно: поклонение Мамоне у протестантов стало фактом, опрокидывающим и «оправдание верой», и евангельские проповеди, и пресловутый протестантский аскетизм, неизбежно сменившийся любовью к удовольствиям (иначе к чему деньги?).

Извращение сакрального вообще-то практиковалось еще во времена средневековья: в разгар Брокенских оргий, как о том говорят мифы, было, например, принято целовать анус черного козла как некий

антисакральный символ (антиикона!). Ну, а денежная прибыль, почитаемая в качестве Божьей благодати? Она ничем не лучше козлиного ануса.

Южное Возрождение также практически выросло на дрожжах коммерции: венецианское и генуэзское купечество, вкуче с флорентийскими банкирами, оплачивало, вместе с собственными удовольствиями, всю роскошь архитектурного, скульптурного и живописного цветения неоязыческой культуры ренессансной Италии. Уже в начале XIII в. разбогатевшие пополаны были достаточно сильны, чтобы спровоцировать и оплатить грабеж Константинополя, но с ростом морской торговли значение купеческого капитала итальянских портовых городов неизмеримо возросло.

Итак, коммерческий принцип, которому не было места в средневековом христианстве, – вот джинн, выпущенный из возрожденческой бутылки! И давно бы пора указать на него пальцем. Потому что коммерция – это именно то явление, та область жизни человека, где ни на волос не остается места сакральному, на какие бы ухищрения не пускались протестантские идеологи. «Оправдание верой»? Прямое общение верующего с Богом, минуя посредников? Но каким же образом может осуществиться этот контакт столь безнадежно падшее (по мнению, например, Кальвина) существо, как человек? Только посредством сакральных таинств, – но именно их протестантизм начисто уничтожает. Что же вместо этого?.. Деловая жизнь, конечно. И только она.

Цивилизация, построенная на принципе делового успеха, понимает под «делом» явно не возделывание эдемского сада... Когда труд становится лишь средством снискать хлеб насущный (а так оно и было в довозрожденческие времена), то, как бы он ни был тяжел, он не требует всех сил, по крайней мере душевных.

У человека всегда остается хотя бы минута для созерцания и молитвы, для глотка сакрального озона, тем более, что сам этот труд может быть освящен как необходимый и праведный. Но когда коммерческий гений придумывает очередную комбинацию с целью наилучшим образом облапошить конкурентов, а тысячи его наемных служащих тянут ляжку, дабы помочь ему в этом и оправдать доверие босса (иначе завтра они окажутся на улице) – *этот* труд, для абсолютного большинства людей, действительно похож на проклятие. Он всю душу выворачивает наизнанку... И в минуты отдыха у человека уже не остается сил для труда духовного, ему нужна «расслабуха», которую ему сразу же подсовывает «индустрия досуга», очередной коммерческий монстр, где мы не найдем ни пяди сакрального пространства... Капкан, стальные челюсти которого плотно сжаты. Надо превратиться в бездомного бродягу, либо откровенно пойти наперекор обществу, чтобы суметь вырваться из этого безбожного омота.

Не забудем и о том, что энергетика сакрального пространства – это, как правило, результат действия усилий *многих* людей (за исключением, конечно, тех случаев, когда речь идет о гигантах духа, подобных Серафиму Саровскому). Сакральные места молчаливо свидетельствуют о духовной работе хорового, соборного начала... Но переход к Новому времени – это возрастание и власть совсем другого начала, – *индивидуального*. Северный протестант, без посредников, на свой манер «общающийся» с Богом, так же, как и познавший секреты ремесла флорентийский мастер, – оба они суть индивидулы, не нуждающиеся ни в каком «соборе». Сами для себя они творят сакральное пространство, в котором не был никто до них и где встреча с Божеством целиком отдана на откуп их собственной фантазии... Надо ли говорить, что мост к Невидимому, соз-

даваемый руками одного человека, как бы он ни был талантливо сделан, – весьма эфемерное и ненадежное сооружение?

* * *

Полюс духовной энергетике, полярно противоположный Богу и собирательно именуемый «темными силами», способный все на свете, включая религию и саму Церковь, использовать себе на потребу, – конечно же не мог обойти своим вниманием замечательный эффект воздействия на душу человека, достигаемый чарами сакральных символов! С точки зрения «темных», этими средствами можно (и значит, *нужно* было) воспользоваться в своих целях. Возник метод, который мы здесь условно назовем инверсией сакрального: освящение того, что, по сути своей, священным быть не может. Здесь происходит смешение верха и низа, порочное возводится в ранг святого, дальнее именуется горним, Князю Тьмы воздаются божеские почести.

Подчеркнем: тут мы ведем речь вовсе не о *глумотворцах* со всеми их карнавальными гримасами, типа шутовских миракелей или сатанинских месс, т.е. вовсе не о сознательном извращении сакрального. Речь – о гораздо более глубоком, опасном и очень широко распространенном явлении: придании самого серьезного сакрального статуса антибожеским, античеловеческим делам, событиям и персонам.

Инверсия сакрального, в первую очередь, связана с идеей светской власти. Светский владыка, себя обожествляющий – многотысячелетняя (давно ставшая банальной) традиция, распространенная в древности далеко за пределами Вавилона, Египетских Фив или императорского Рима. Любой человек, чье самоутверждение находило опору в его личной власти, от китайского чиновника до ацтекского жреца, окружал себя целым об-

лаком сакральных символов и абсолютно пустых ритуальных правил, обязательных для его подчиненных. Но вплоть до Новейшего времени эта традиция соседствовала с подлинной сакральностью, в чем-то ею сдерживалась и от нее же подпитывалась (вспомним, к примеру, обряд помазания на царство).

Двадцатый век внес существенные коррективы в эту традицию: здесь светская власть уже не захотела делить Олимп со священством; она в едином лице претендовала и на силу Божественного закона, и на право создавать свою религию, и, конечно, на возможность использовать в своих интересах все преимущества сакрального, которое теперь превратилось в самое совершенное средство манипулирования сознанием людей. Тоталитарная власть (в России, Германии, затем Китае, Корее...) повсюду совершала то, на что царская власть была заведомо не способна: она делала себя единственным объектом сакрального поклонения, сакрального символизма, сакрального обрядодействия.

Инверсия сакрального предполагает, прежде всего, использование его психологической силы в чьих-то личных интересах. Здесь обнаружили потрясающие возможности – миллионы людей (целые народы, за вычетом кучки диссидентов), под действием этого духовного наркотика, принимали на веру любой бред, изрекаемый светским владыкой, принимали к действию любые абсурдные его решения. Сакральным становилось все, что исходило от «вождя». Любое изречение, банальное или даже откровенно лживое. Манера пожимать руку, улыбаться, носить одежду. Место на трибуне. Все, кроме действительно высокого и действительно священного. Высшее Невидимое теперь означало – таинственность, недоступность, божественную ауру самой власти. Организуемая про-

пагандой «сакральность» была призвана не приблизить к ней человека, а наоборот, подчеркнуть дистанцию между властью и одушевленным винтиком грандиозной машины.

Тоталитарная власть продемонстрировала повсюду в мире, какая колоссальная сила могла пробудиться к жизни действием фокуса сакральной «линзы», формирующей единый психический вектор среди огромных масс людей. В знаменитых фильмах Лени Рифеншталь, запечатлевшей для потомков триумф Адольфа Гитлера, мы ощущаем действие этой силы, способной в кратчайшие сроки создать экономическую и военную мощь, невиданную в истории Европы. В СССР аналогичный эффект способствовал индустриализации аграрной страны в кратчайшие сроки, полной ликвидации безграмотности, восстановлению разрушенного войной хозяйства.

Эпидемия тоталитаризма целое столетие лихорадила Евразию. Почти весь XX век, в этом регионе мира, прошел под знаком инверсионной сакральности. Он показал ее силу. Но он же показал и ее иллюзорность, нестойкость, хрупкость. Сакральность, обращенная целиком на земную власть, сакральность, в основе которой лежало человеко-божеское начало, обращалась в прах, как только рушился авторитет самого человеко-бога.

Дезавуирование нацистского мифа, после Нюрнберга, привело к полному краху этой доктрины во всем мире. После хрущевского доклада на XX съезде КПСС, после «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына потерпела крах идея большевизма. Любопытно проследить, как в России этот процесс *десакрализации* сопровождался, во все больших масштабах, глумлением над революционными святынями. Все началось с антихрущевских анекдотов и серии вроде бы безобидных анекдотов про Чапаева (за

которыми просматривалось развенчание «героической» эпопеи гражданской войны). Продолжилось это глумотворчество мощной лавиной анекдотов о Брежневе (высмеивался идиотизм партийной власти), и о Штирлице (здесь уже брался под сомнение высокий ореол наших доблестных «органов») и наконец, в ходе Перестройки, процесс глумления увенчался анекдотами про Ленина, все более и более злыми (святая святых большевистского мифа!). Ложная святость тоталитарных идей оказалась беззащитной против убийственной силы смеха.

Эпоха инверсионной сакральности, в целом, кончилась вместе с крахом СССР. Реликт этого социального феномена сохранился до наших дней, пожалуй, лишь в Северной Корее. Китай, рискнувший совместить коммунизм с коммерцией, медленно, но верно теряет силу своей инверсионной сакральности... Эра тоталитарных святынь безвозвратно канула в прошлое.

Но – что дальше? Возвращение к подлинным святыням? Или возможно еще большее, еще худшее разрушение духовных основ бытия для больших масс людей?

Вполне возможно. Мы это поняли, когда на смену ложной сакральности пришли идеология и практика постмодерна. Об этом явлении (уже глобальном) в истории человеческой культуры написано достаточно много квалифицированных исследований. Постмодернизм, словно диковинный зверь, возникший будто бы прямо из небытия, без философских прогнозов, без прототипических идей и эволюционных переходов, – изучен достаточно внимательно и всесторонне. Много умных, правильных слов потрачено социологами на его описание... Но, в сущности, достаточно было бы и одной частицы «не». Как нельзя более полно, как нельзя более точно она передает суть этого явления.

Не-центровость. **Не**-постоянство. **Не**-ценность. **Не**-смысл. **Не**-укорененность. **Не**-святость. (В более общем значении: НЕ-БЫТИЕ.)

Весь постмодерн построен прежде всего и именно на отрицании сакральности. Ибо сакральность предполагает некое Высшее Основание, на котором, в конечном итоге, строится и система верований человека, и его отношение к жизни, и весь многосложный мир человеческих отношений... Сакральность невозможна без вектора устремления! Но здесь никакого вектора не может быть вообще, ибо весь действительный мир, с точки зрения постмодерна, онтологически пуст.

Вот некоторые идеи постмодерна, высказанные в разное время в печати*:

«...беспорядочное возникновение множественности, движения, не имеющее превалирующего направления, но распространяющееся без регулярности, дающей возможность предсказать следующее движение» [6, с. 184].

«Современный мир — это мир симулякров. Человек в нем не переживает Бога, тождество субъекта, не переживает тождества субстанции. Все тождества только симулированы, возникая как оптический «эффект» более глубокой игры — игры различия и повторения. Мы хотим осмыслить различие само по себе и отношение различного к различным независимо от форм представления, сводящих их к одинаковому...» [2, с. 9].

«Симулякр — это система, в которой различное соотносится с различным посредством самого различия» [2, с. 334].

«Отрицание общих принципов и идеалов в культуре постмодерна представляет собой яркое свидетельство углубления секуляризации, которая приводит к разобщенности людей, когда человек,

утверждая исключительно свою индивидуальность, отличие от других людей, теряет возможность идентификации с какой-либо социальной общностью, а потому люди становятся атомарными и одинокими» [1, с. 51].

«Постмодернизм — это история создания и интерпретации текста. Откуда же тогда взяться реальности? Реальности просто нет. Если угодно, есть различные виртуальные реальности...» [8, с. 223].

«Все, принимаемое за действительность, на самом деле не что иное, как представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления. Таким образом, восприятие человека объявляется обреченным на «мультиперспективизм»; на постоянно и калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов действительности, в своем мелькании не дающих возможность познать ее сущность» [там же, с. 224].

«Для человека в культуре постмодерна характерно одновременное совмещение нескольких картин мира, ни одна из которых не опровергается, но и не воплощает в себе истины. Поэтому о человеке в культуре постмодерна можно с равной степенью справедливости утверждать, что он верит во что угодно или ни во что не верит» [1, с. 54].

«Что же касается поиска истины, то постмодернистская позиция провозглашает: “Единственная твердая истина — что надо освободиться от поиска истины?”» [там же, с. 58].

«Существует лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах развития человечества. Этот принцип — все дозволено» [3, с. 369].

«Интерпретативный разум перенаправил поиск оснований знания на повседневную обыденную жизнь» [1, с. 60].

* Нижеследующие цитаты взяты из монографии О.А. Богдановой «Процесс секуляризации и кризис личности в западной культуре XX века». — Ростов-на-Дону, 2001.

«Основания знания новый разум искал не в метафизике, а в коммуникации, общении здесь и сейчас действующих эмпирических индивидов» [4, с. 324].

«Глафос культуры постмодерна состоит в идее освобождения от каких бы то ни было традиций и авторитетов, будь то религиозные догмы или диктат разума» [1, с. 66].

Как видим, частица «не» оказалась в культуре постмодерна и всеохватывающей, и всеисильной! Можно сказать, апологетам этой культуры она целиком заменила реальное существование. Даже пародия – и та ушла в прошлое, вместе с Новым временем. Вместо нее появился какой-то смеховой недоносок, получивший походя мыльное, пустышечное наименование «пастиш»:

«Пастиш отличается от пародии тем, что теперь пародировать нечего, нет того серьезного объекта, который мог бы быть подвергнут осмеянию. Пародировать можно только то, что живо и свято. В эпоху постмодернизма ничто не живо и уж тем более не свято» [8, с. 224].

* * *

Даже самый общий собирательный взгляд на изложенные выше характеристики постмодерна порождает чувство панического ужаса. Если современный мир действительно таков, бессмысленно ждать некоего мифического конца света: армагеддон реально произошел на наших глазах... Это именно то, о чем Мераб Мармаришвили писал как об «антропологической катастрофе», когда происходит «...перерождение каким-то последовательным рядом превращений человеческого сознания в сторону антимира теней и образов, которые в свою очередь тени не отбрасывают, перерождение и некоторое зазеркалье, составленное из имитаций жизни» [5, с. 147].

Однако не будем спешить отчаиваться. Посмотрите на большинство лично вам знакомых людей. Таковы ли они? Вроде бы нет: любят, мечтают, трудятся, страдают – как многие поколения прежде них. Может, постмодерном заражена лишь интеллектуальная элита; остальным до всех этих «симулякров» и дела-то никакого нет? Однако вспомним, что в эпоху Возрождения – «возрожденческой», в полном смысле этого слова, была также интеллектуальная элита (гуманисты). Остальная масса еще очень долго придерживалась ценностей традиционного общества. Но уже к началу XX столетия вдруг оказалось, что христианская вера «испарилась» из душ и умов абсолютного большинства европейцев.

Духовные события, если речь идет о целом обществе, всегда имеют четко обозначенную причину, и интеллектуальные шалости «властителей дум» – не такая уж безобидная вещь. Мысль обладает материальным могуществом. Что декларировано сегодня – завтра может обрести плоть и кровь. Представим-ка на минуту, что **неценность**, **не**-смысл и **не**-укорененность станут доминантой психического мира огромного числа людей. Ведь, если мы обратим внимание на увеличивающееся сегодня число маргиналов-переселенцев (гастарбайтеров), равнодушных к любым идеалам обывателей, бездумных и жадных потребителей кайфа – разве перспектива не пугает?

Если глубже вдуматься в смысл приведенных выше характеристик постмодерна, если представить себе личность, буквально и полностью воплотившую его качества, то можно уверенно говорить, по крайней мере, об одном важном свойстве этой личности: *неспособности к работе духа*. Произошла атрофия психических «мышц», человек согласился на роль броуновской частицы в бесцельном движении своего случайного существования... Это и есть полный отказ

от сакральности как принципа духовного творчества, отказ от Основы, на которой зиждется жизнь.

Трагический смысл подобной ситуации состоит, по-видимому, в том, что инстинкт самосохранения, самый сильный из всех биологических инстинктов, находится в стороне от духовной сферы: человек чувствует ужас физической смерти и сопротивляется ей, но сплошь и рядом он не понимает ужаса духовной смерти, не чувствует ее близости, – даже самого ее факта!

Животные инстинкты не нуждаются в поддержке культуры – разве только в сдерживании. Но Высший инстинкт – неслышимый голос Бога – *нуждается* в ней. Усилие к сакральному воспитывается, культивируется и направляется... Для того нужен храм, для того нужна и дорога к храму. Вот почему всем тем, кто с такой убежденностью и таким удовлетворением готов провозгласить конец эры мировых религий, хорошо бы подумать – а что взамен? Общество, лишённое сакральной основы, уподобилось бы кладбищу живых мертвецов.

Пусть мы не видим Бога. Но мы идем к Нему, преодолевая на этом пути и завалы хаоса, и даже самих себя. И пока мы к Нему идем, мы живы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова, О.А.* Процесс секуляризации и кризис личности в западной культуре XX века / О.А. Богданова. – Ред.-изд.отдел РГЭУ Ростов-на-Дону, 2001. – 153 с.
2. *Делез, Ж.* Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
3. История философии. Запад–Россия–Восток (Книга 4: Философия XX века). – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1999. – 448 с.
4. *Матяш, Т.П.* Постмодерн / Т.П. Матяш // Культурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – 14-е изд. (серия «Высшее образование»). – Ростов-на-Дону: Феникс, 1978. – 570 с.
5. *Мамардашвили, М.* Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1992. – 415 с.
6. *Орлова, Э.А.* Введение в социальную и культурную антропологию / Э.А. Орлова. – М.: Изд-во МГИК, 1994. – 480 с.
7. *Отто, Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. – 270 с.
8. *Руднев, В.П.* Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.